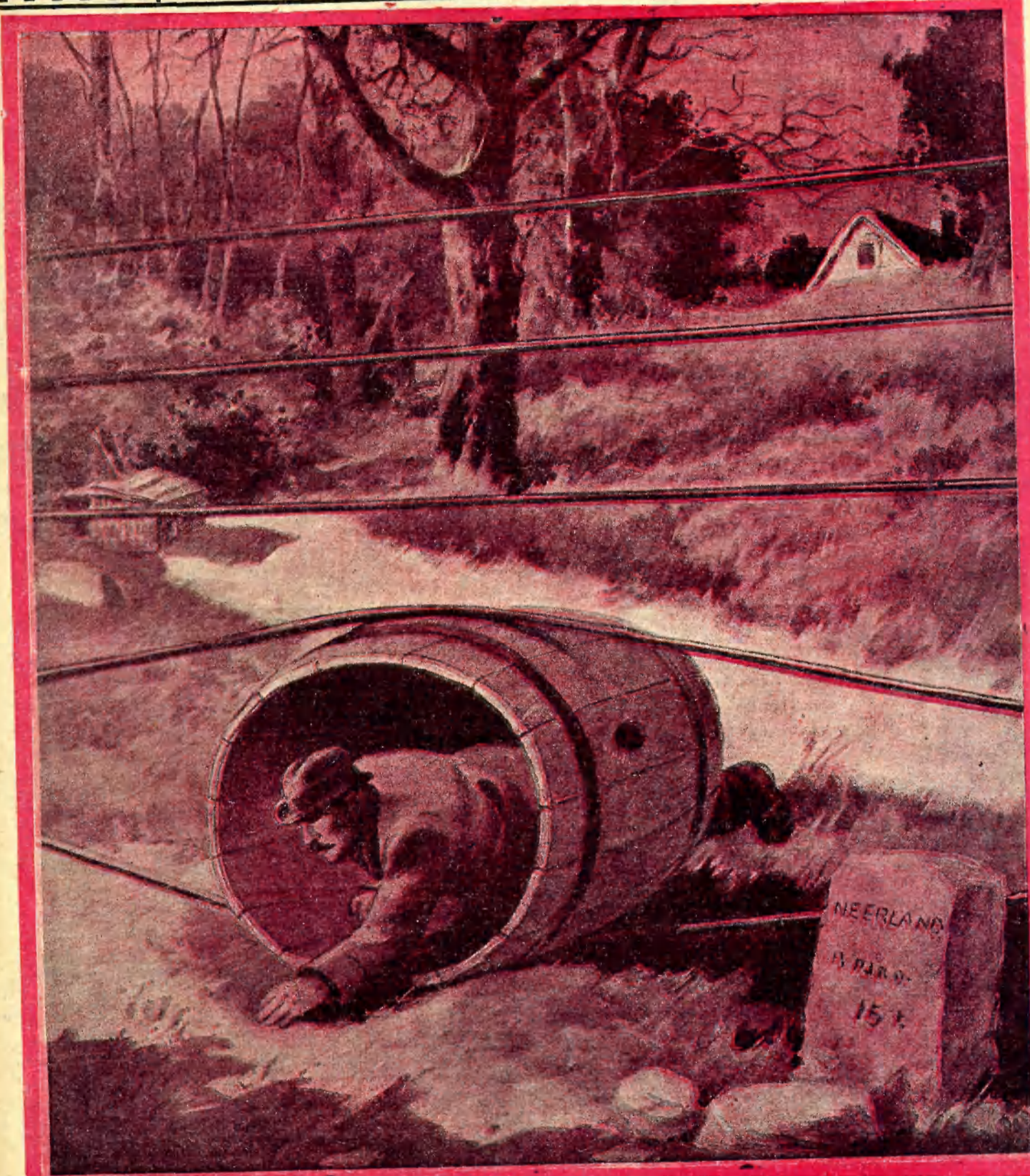

№ 67.
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.
1915 г.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 К.
ПЕТРОГРАДЪ.
ДЕКАБРЬ

Бѣгство изъ германскаго плѣна сквозь проволочное загражденіе, по которому пропускается сильный электрическій токъ.

1916 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.
НА РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ, МНОГОКРАСОЧНЫЙ
ЗЛОБОДНЕВНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

12-й годъ
изданія

ЮМОРА И ЛЕГКОЙ ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

„СТРЕКОЗА“

БОРЬБА СЪ ВРАГАМИ РОССИИ, КАКЪ СЪ ВНѢШНИМИ (нѣмцы, австрійцы, турки и болгары), ТАКЪ И СЪ ВНУТРЕННИМИ—ВОТЪ ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ЖУРНАЛА ВЪ 1916 ГОДУ.

Помимо этого цѣль журнала „СТРЕКОЗА“ развлекать впавшую въ уныніе, какъ столичную, такъ и провинціальную публику и заставлять г.г. обывателей смѣяться не только надъ другими, но и надъ самими собой.—Въ 1916 году „СТРЕКОЗА“ дастъ своимъ многочисленнымъ, добрымъ, красивымъ, храбрымъ, умнымъ, богатымъ, талантливымъ и, вообще, высокоодареннымъ подписчикамъ:

52 №№ ЖУРНАЛА въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 прекрасно-исполненныхъ рисунковъ перомъ и карандашомъ и въ краскахъ извѣстныхъ карикатуристовъ-художниковъ.

Литературный отдѣлъ будетъ вмѣщать въ себѣ массу художественныхъ разсказовъ, сценъ очерковъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ и юмористическихъ мелочей дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества столицъ и провинціи (провинціальныя злобы дня и курьезы будутъ помѣщаться въ текстѣ и въ рисункахъ).

Въ продолженіи всего года будутъ помѣщаться карикатуры политическаго характера, портреты писателей, артистовъ и художниковъ въ юмористическомъ духѣ и т.п.

Главные сотрудники журнала въ 1916 г.: СЭРЪ ПИЧЪ-БРЕНДИ, ЕВГЕНІЙ ВЪНСКІЙ, ЯСНОВИДЯЩІЙ, СЕРГѢЙ МИХѢЕВЪ, Н. АГНИВЦЕВЪ, НАЛЬ, В. ФРАНЧИЧЪ и мн. др.

Кромѣ того, всѣ подписчики получаютъ при первомъ №-рѣ журнала слѣдующія цѣнныя, но, тѣмъ не менѣе, совершенно бесплатныя ТРИ ПРЕМИИ, а именно:

ВЕСЕЛЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПО ВСЕМУ СВѢТУ И ПОЛУСВѢТУ.

(Злая пародія на путеводители и „Бедекеры“, на желѣзнодорожные указатели, а также на путевыя замѣтки и учебники географіи).

СОДЕРЖАНІЕ: Европа, Азія, Африка, Америка, и Австралія.

1) Европа. Здѣсь солидное мѣсто уделено Россіи и особенно тѣмъ ея живописнымъ уголкамъ, которые наиболее часто посѣщаются путешественниками, а именно: Крыму, Кавказу, и Волгѣ. З. тѣмъ составитель переходитъ къ иностраннымъ государствамъ Европы и послѣдовательно знакомитъ читателя съ Англіей, Франціей, Италіей, Швейцаріей, Испаніей, Португаліей, Бельгіей, Голландіей и Турціей.

2) Азія. Здѣсь, по возможности полно и равносторонне, составитель касается Китая, Японіи, Индіи и Аравіи.

3) Африка. Въ этомъ отдѣлѣ путеводителя составитель, не жалѣя красокъ, знакомитъ читателя съ тѣми приключеніями, которыя ожидаютъ его въ дебряхъ этой еще мало изслѣдованной части свѣта.

4) Америка. Много мѣста уделяется характеристикѣ американск. и американцевъ, а также пародіямъ на американскую литературу.

5) Австралія. Наконецъ, мы попадаемъ въ гости къ макамамъ, которые однакъ уже надѣлали котлетъ изъ праваго бока составителя книги. Здѣсь читатель можетъ убѣдиться, насколько полезна проповѣдь вегетарианства и какъ скверно быть съѣденнымъ, хотя и въ хорошею подкарашномъ видѣ. — Составилъ Оневедъ. — 256 страницъ текста.

ДРЕВО ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА.

Злая пародія на энциклопедіи и словари современниковъ. Полное объясненіе нѣсколькихъ тысячъ русскихъ словъ.

Веселая характеристика современныхъ писателей, художниковъ и артистовъ.

Эта книга — совершенно небывалое явленіе въ русской юмористической литературѣ и вполне заслуженно пользуется огромнымъ успѣхомъ у читающей публики.

Юморъ брызжетъ изъ каждой строки этой заразительно-веселой пародіи на энциклопедіи. Сотни блестящихъ афоризмовъ, остроумныхъ стихотвореній, забавныхъ характеристикъ — національностей, городовъ, общественныхъ дѣятелей и т.п.

Составилъ Мрачный Юмористъ. 320 стран. текста.

ТРИ ИГРЫ ДЛЯ ВСѢХЪ:

ШАШКИ, ШАХМАТЫ И ДОМИНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой по всей Россіи на годъ 6 руб., на 1/2 года 3 р. 50 к.

Главная Контора журнала

„СТРЕКОЗА“
ПЕТРОГРАДЪ,
7-я Рождественская. 30.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 3 руб., къ 1-му Марта 2 руб. и къ 1-му Мая 1 руб.

ОТДѢЛЕНІЯ ДЛЯ ПРИЕМА ПОДПИСКИ: Петроградъ, Невскій, 82 (во дворѣ на право).
Москва, Долгоруковская улица, д. № 17, кв. 5.

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 . 1/2 года 2 „ — .
 . 1 мѣс. — 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Неприятныя рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Тарифы объявленій:
 За строку непара-
 рали въ 1 стол-
 бецъ:
 (2/3 шир. стран.)
 впер. текста . 30 к.
 позвѣдн . . 60 .
 Печатаемые знаки по
 соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 67—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Декабрь.

ВЪ ЯМЪ.

Рассказъ Ял. Королева.

I.

Неприятельскихъ войскъ еще не видно было, но уже что-то жуткое носилось надъ полями. Уныло шелестѣлъ, точно жаловался, необрунный хлѣбъ. Съ тревожнымъ карканьемъ носились надъ рощей вороны. Сильные порывы вѣтра все чаще и чаще доносили отголоски пушечной пальбы.

Крестьяне бѣжали. Одни съ вѣрой въ скорое возвращеніе, другіе съ отчаяніемъ и проклятіемъ врагу, но всѣ одинаково прятали все, что могли. Зарывали самое цѣнное въ землю, избы заколачивали, а скотъ уводили.

Такъ думалъ поступить и Егоръ Матвѣевъ, старый отставной солдатъ, жившій на краю захудалой деревушки въ небольшой, потемнѣвшей и покосившейся избѣ, но ка-

кое-то упрямство мѣшало ему привести задуманный планъ въ исполненіе.

Хозяйство у него было небольшое—лошадь, пара коровъ, да боровъ, хорошенько откормленный и предназначенный для ближайшей ярмарки. Коровы и лошадь были уведены сыномъ уже давно, а съ боровомъ старикъ не спѣшилъ.

Какъ всегда, онъ вставалъ на разсвѣтъ, копался въ своемъ огородѣ и все старался поменьше думать о неприятелѣ.

— Дѣдъ, чего копаешься?—говорили ему уходившіе: — уходилъ бы, пока живъ. Слышишь, какъ гремитъ-то...

Дѣйствительно, пушечные стоны становились съ каждымъ днемъ все слышнѣе, но Егоръ продолжалъ упряmitterся:

— Чего мнѣ гнаться! — отвѣ-

чалъ онъ. — Бѣжать всегда послѣ-
 ешь. Да и не боюсь я нѣмцевъ, —
 будь они прокляты...

Но, выйдя однажды утромъ изъ избы, Груша, дочь Егора, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, увидѣла на горизонтѣ пыль, неясныя толпы всадниковъ и повозки, и съ крикомъ вбѣжала обратно въ избу.

— Отецъ! — закричала она: — они тутъ!

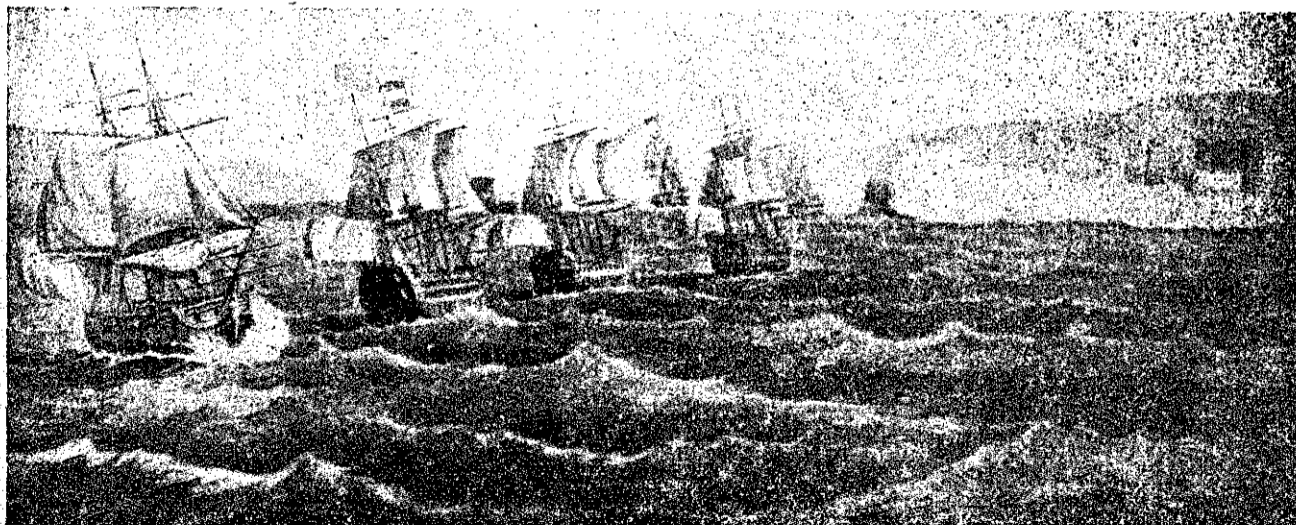
Егоръ успокоилъ ее, затѣмъ, прищурившись, поглядѣлъ на неприятеля и распорядился:

— Прoberись, Груша, ползкомъ до ложбины, а оттуда можешь во весь ростъ прямо къ селу идти, а я тутъ борова припрячу и тоже пойду...

Дѣвушка, блѣдная и дрожащая, долго уговаривала отца бросить борова и бѣжать, но старикъ былъ непреклоненъ.

Схвативъ лопату, онъ выбѣжалъ съ задняго крыльца, отбѣжалъ шаговъ на десять въ поле и съ отчаянной быстротой принялся рыть глу-

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ.

Англійскій флотъ въ Дарданеллахъ въ 1807 году.

бокую яму, наполовину уже вырытую для чего-то заранѣе.

Рыль онъ часа три. Груша уже давно была въ селѣ, находящемся всего въ пяти верстахъ отъ деревушки, всадники на горизонтѣ успѣли два раза исчезнуть и вновь появиться, а Егоръ все рыль.

Наконецъ, убѣдившись, что яма достаточно глубока и просторна, онъ сталъ бросать въ нее картофельную шелуху, огурцы и многое другое, что было у него въ амбарѣ. Затѣмъ бережно, на канатѣ, спустилъ борова, бережно прикрылъ яму хворостомъ и только тогда, вытирая рукавомъ на лицѣ обильный потъ, спокойно направился въ село, куда ушла Груша и гдѣ находилась вся его семья, а также большая часть жителей его деревушки...

II.

Въ значительномъ австрійскомъ отрядѣ, три дня непрерывно находившемся въ движеніи, было огромное количество больныхъ и отсталыхъ.

Люди, точно очумѣлые, бродили по всѣмъ направленіямъ двухъ небольшихъ губерній. Почти каждый день крестьяне находили измученныхъ, голодныхъ и стонущихъ австрійскихъ солдатъ. Многие изъ нихъ гибли въ придорожныхъ канавахъ отъ истощенія, многие, соединяясь

въ группы и тщетно пытаясь догнать свои части—натякались на казачьи разъѣзды и попадали въ плѣнъ.

Одному же такому заблудшему австрійцу выпала несладкая судьба—попасть въ засаду къ егоровскому борову...

Это былъ сухощавый, молодой солдатъ, горожанинъ, портной по профессіи, до послѣдней степени измученный непрерывнымъ отступленіемъ.

И, вотъ, приблизившись къ деревушкѣ и направляясь прямо къ первой избѣ, онъ, не доходя до нея, неожиданно провалился...

Онъ стремительно полетѣлъ въ глубокую яму, больно оцарапавъ себѣ при этомъ лицо. Упалъ онъ ничкомъ на что-то мягкое и скользкое, очевидно, на раздавленные огурцы, но ноги отчего-то сейчасъ же послѣ паденія были подброшены вверхъ, и подъ нимъ заворочалось какое-то теплое, тяжелое, сильное, страшное, колющее тѣло, издававшее ужасные въ этой обстановкѣ звуки обозленнаго, встревоженнаго хрюканья...

Окаменѣвъ отъ ужаса, нѣмецъ увидѣлъ надъ своимъ лицомъ мягкій, красный и слюнявый кончикъ морды, пару узкихъ, остановившихся, страшныхъ глазъ и бурую кучу вздыбившейся колкой щетины... Оттого, что лицо человѣка лежало внизу — морда испуганнаго борова показала ему чудовищно-жуткой,

и изъ груди солдата вырвался отчаянный, неслышанный крикъ...

Отъ ужаса нѣмецъ вскочилъ, какъ мячъ, прижался спиной къ стѣнѣ и два раза, продолжая кричать, изо всѣхъ силъ ударилъ ногой животное въ оскаленную пасть...

Громкое, визжащее хрюканье сливалось съ отчаянными криками человѣка... Животное разверзло пасть отъ боли, затопталось на одномъ мѣстѣ затѣмъ, съ необычайной силой бросилось къ человѣку и бокомъ прижало его къ стѣнкѣ ямы. Оттолкнуть борова не было никакой возможности. Не переставая визжать и хрюкать, онъ давилъ ноги солдата съ жестокой, чудовищной силой. Нѣмецъ чувствовалъ, что теряетъ сознание, но спастись никакъ не могъ. Ни выбраться изъ ямы, ни оттолкнуть разсвирѣпѣвшее животное онъ не могъ. Оружія у него не было, да если-бъ и была винтовка—то все равно въ тѣсной ямѣ она была бы бесполезна. Руками же ничего нельзя было сдѣлать. Онъ изо всѣхъ силъ рвалъ борова за уши, старался выдвинуть ему пальцами глаза, но животное бѣшено било его твердой, отвратительной мордой по колѣнямъ, рвало зубами платье и голенища, покрывая ноги ранами...

Два раза жалкій нѣмецъ терялъ сознание, но приходилъ въ себя отъ новыхъ ранъ, пока обезсиленный отъ крика и потери крови не свалился на животное и не отдалъ себя въ полное его распоряженіе...

Совершенно неожиданно, злосчастный нѣмецъ убѣдился, что такая тактика вѣрнѣе. Переставъ чувствовать боль, боровъ, повидимому, привыкая къ своему незваному гостю и успокаиваясь, оставилъ его. Онъ отошелъ въ другой уголокъ ямы и грузно повалился, слегка опять придавивъ солдата, но на этотъ разъ уже исключительно изъ-за тѣсноты.

Такъ и лежали они рядомъ, человѣкъ и боровъ, пока не наступили сумерки, а за ними темная, страшная ночь.

Кричать больше нѣмецъ опасался—это могло бы опять вспугнуть борова. Да и всякій крикъ былъ бы напрасенъ, и солдатъ это зналъ.

Приходилось, такимъ образомъ, терпѣливо ждать и даже привыкать къ мысли, что эта яма съ боровомъ можетъ оказаться для него могилой.

За ночь бѣдный австрійскій портной посѣдѣлъ...

III.

На слѣдующій день пришли провѣдать борова Егоръ съ сыномъ.

Бросаніе ручныхъ бомбъ въ окопы противника.

Страшный и, въ то же время, смѣшной видъ нѣмецкаго солдата, спавшаго рядомъ со свиньей — поразилъ и разсмѣшилъ ихъ.

Сынъ Егора хотѣлъ было вернуться въ село и созвать народъ на это необычайное зрѣлище, но старикъ не позволилъ ему.

— Нечего, — строго сказалъ онъ, — какіе тутъ смѣхи, — небось, попалъ бы самъ въ такую засаду — не смѣялся бы... Видишь, человекъ весь въ крови, почти весь съдой, хотя лицо молодое — должно, отъ страха поспѣдѣлъ...

И, вытащивъ нѣмца, старикъ кое-какъ перевязалъ ему раны и, крутивъ назадъ руки, повелъ ближайшимъ путемъ къ уряднику.

А. Королевъ.

Эпизодъ изъ войны 1870 года.

ВОЗЗВАНІЕ РУМЫНСКИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ.

Румынская газета «Dimineata» помѣстила воззваніе румынскихъ профессоровъ къ народу.

— Наша родина должна выступить противъ Австро-Германіи, такъ какъ для Румыніи позорна роль оестрастнаго зрителя въ мировомъ пожарѣ. Румынія должна присоединить къ себѣ своихъ закарпатскихъ братьевъ, дабы объединить всѣхъ румынъ подъ своей властью.

Нынѣ наступило время выступить, ибо врагъ окружаетъ Румынію со всѣхъ сторонъ. Голосъ университета долженъ быть услышанъ, ибо голосъ его — голосъ всего народа. Правительство не должно медлить съ выступленіемъ, такъ какъ страна хочетъ войны для осуществленія своихъ національныхъ идеаловъ». Подъ воззваніемъ подписалось много профессоровъ, во главѣ съ ректоромъ бухарестскаго университета Тома Іонеско.

Другая румынская газета «Adeverul», перепечатавшая это воззваніе, снабжаетъ его слѣдующими замѣчаніями: «Наше правительство до сихъ подъ не хочетъ обратить вниманіе на всеобщее движеніе въ Румыніи въ пользу войны. Болѣе полтора года правительство обманываетъ всю Румынію. Войска деморализованы вынужденнымъ бездѣйствіемъ, и народъ съ негодованіемъ спрашиваетъ: «Чего Румынія ждетъ?»

ТИХІЙ БОЙ.

Очеркъ Я. Окунева.

Мы стоимъ у П. въ глубокихъ траншеяхъ; траншеи крыты сверху

бревнами, отъ которыхъ пахнетъ еще свѣжей сосновой смолою. Сквозь амбразуры между бревенъ голубѣютъ клочки неба; день такой хорошій, свѣтлый и теплый, что кажется, будто здѣсь не война, будто такъ солдаты собрались на вольномъ воздухѣ потолковать о разныхъ своихъ, частныхъ дѣлахъ.

А даль гремитъ ударами пушекъ и частой трескотней пулеметовъ, и завтра, а, можетъ быть, сегодня ночью мы будемъ въ бою. потому что со всѣхъ сторонъ стягиваются воинскія части, проѣхалъ кавалерійскій отрядъ, за нимъ другой, третій, а тамъ потянулись казаки, ѣдутъ безъ пѣсенъ къ лѣсу и занимаютъ невидныя намъ отсюда позиціи. Слева у деревни Г. окапываются пришедшія за ночь двѣ дивизіи, саперы проводятъ телефонъ къ штабной квартирѣ, слышны четкіе въ чистомъ воздухѣ удары молотковъ и едва уловимый, глухой, какъ гулъ потревоженнаго улья, говоръ десятковъ тысячъ людей, собравшихся сюда со всѣхъ сторонъ, чтобы выбить австрійцевъ изъ П.

У непріятеля, подъ П., происходитъ то же самое. Отсюда видны передвигающіеся съ мѣста на мѣсто темные прямоугольники войскъ, слышны удары, трескъ, гулкій грохотъ, словно перекачиваютъ по мостовой что-то тяжелое: это

За отечество.
Скульптура Круази.

ѣдетъ артиллерія, парки и обозы. Вчера ночью надъ нашими позиціями леталъ непріятельскій аэропланъ и освѣщаль насъ прожекторомъ, стараясь, очевидно, выяснитъ наше расположеніе.

— Какъ бы не такъ,—сказалъ мой сосѣдъ по траншеѣ, солдатъ Петряевъ.—Какъ бы не такъ. Найдеть онъ насъ, когда мы, какъ кроты, врылись въ землю. Онъ ищетъ тамъ, а настоящіе окопы вонъ гдѣ. Окопы такъ искусно устроены, что сливаются съ фономъ мѣстности и найти ихъ не то, что ночью, но и днемъ очень трудно. Человѣку, незнакому съ ихъ расположеніемъ. Это нѣсколько рядовъ длинныхъ и глубокихъ канавъ, соединяющихся другъ съ другомъ, мѣстами крытыхъ землей и бревнами, мѣстами открытыхъ; это цѣлый земляной или, вѣрнѣе, подземный военный лагерь, съ улицами, улочками и переулками, въ которыхъ расположены по землянкамъ штабныя квартиры, телефонныя станціи, ротныя команды, даже доходныя канцеляріи и лазареты. За мѣсяцъ пребыванія здѣсь солдаты успѣли такъ прочно устроиться тутъ, что завели даже «баню», т. е. землянку, въ которую приносятъ жаръ на желѣзномъ листѣ и которая нагревается такъ, что можно мыться въ ней. И по добродушному русскому обычаю, Демидовъ и Логовъ въ прошлую субботу, накаливъ нѣсколько камней и обливъ ихъ горячей водою, взятой у ротныхъ котловъ, парились, возились и оралъ въ «банѣ» до тѣхъ поръ, пока ихъ не выгнали оттуда. Положимъ, возни и крику было тамъ больше, чѣмъ дѣла,—въ землянкѣ «банѣ» была одна «видимость» пара, но солдаты дѣлали видъ, что это на самомъ дѣлѣ, и кричали:

— Поддавай, братъ, пару!

— Окачивай, окачивай, охо-хо!

И вышли оттуда счастливые сознаниемъ, что побывали въ банѣ.

— Съ легкимъ паромъ, Логовъ,— шутили солдаты.

— Ты бы рыло помылъ. Гляди, вся рожа въ глини.

— Чтой-то покурить хочется послѣ бани-то,—говорилъ Логовъ, испытывающій блаженство «послѣ-

баннаго» состоянія.—У кого бы это корешковъ достать?

— Пойди на Медлинскую. Тамъ, братъ, корешковъ—хочу не хочу.

Солдаты дали каждой траншеѣ имя, словно улицамъ, по находящимся тамъ полкамъ, ротамъ и частямъ. Есть «Медлинская», «Лазаретная», «Казачья» траншеи, есть «Обжорная площадка» — названная такъ оттого, что тамъ ротныя кухни. И солдаты ориентируются въ своемъ подземномъ лагерьѣ, какъ въ городѣ, гдѣ все распланировано, все на своемъ мѣстѣ.

— Эй, землячекъ, какъ тутъ пройти въ пятую роту?

— Въ Серпуховской траншеѣ, первая направо.

— А гдѣ она. Серпуховская траншея?

Русскіе въ Пекинѣ во время китайскаго похода.

— Да что ты, вновь что-ли-ча?

— Вчерась пришли.

— Иди прямо. Такъ носомъ и уткнешься въ Серпуховскую-то.

Солдаты любятъ устраиваться со всѣми удобствами. Сначала здѣсь были на скорую руку сдѣланы окопы, но мы задержались на этомъ мѣстѣ,—сраженіе, постепенно развивавшееся по всему фронту, приняло характеръ позиціоннаго боя,

и окопы превратились въ сѣть рвовъ—улицъ и переулковъ, захватывавшихъ все большее и большее пространство по мѣрѣ того, какъ прибывали новыя части. Потомъ устроили землянки, въ землянкахъ земляныя «норы», приладили двери, сорванныя съ халупъ покинутыхъ окрестныхъ деревушекъ. Въ офицерскихъ землянкахъ имѣется даже мебель—столы и табуреты, на славу сдѣланные солдатами.

Спускается ясный, тихій вечеръ. Прошла перекличка, жизнь въ земляномъ городѣ затихаетъ, затихли выстрѣлы со стороны правого фланга непріятеля.

Старикъ-фельдфебель рассказываетъ въ кружкѣ солдатъ, какъ въ его время воевали. Онъ былъ на двухъ войнахъ: на турецкой и японской, и никакъ не можетъ примириться съ современной техникой войны.

— Въ мое время, ребята, бывало, идутъ, скажемъ, въ атаку, командиры на коняхъ, солдаты плечомъ къ плечу, барабаны бьютъ, и шагаетъ строй, ровно на ученьи. Теперь вотъ шагъ быстрый, солдатъ жидкій пошелъ, не маршируетъ, а идетъ рысцой, а тогда... Скомандуютъ: ра-азъ! Таково медленно и протяжно. Строй подыметъ ногу и ждетъ: два-а! То-то. И въ бой шли какъ! Въ открытую, честно: бей — и я буду бить; кто сильнѣе, тотъ верхъ и возьметъ. А то теперь хитрости пошли, фили-мигли разные, не то война, не то кадрили на подѣ сраженія. Эхъ хе-хе!

И какъ бы въ подтвержденіе его словъ, что теперь «фили-мигли», вдали надъ лѣсомъ вспыхиваетъ красный свѣтовой сигналъ. Это у непріятеля, — тамъ готовится что-то.

Тихая команда заставляетъ насъ бросить разговоры, идти по мѣстамъ, выстроиться у стѣнъ траншеи и ждать. Въ выемкѣ траншеи командиръ приникъ къ телефону, принимаетъ приказанія. На улочкахъ и переулкахъ нашего «города» забѣгали желтые, красные и синіе огоньки. Части сигнализируютъ другъ другу.

— По двое въ рядъ! — тихо передаетъ командиръ полуротному.

Опять въ Эльзасѣ.

Популярный во Франціи и Эльзасѣ рис. Жоржа Скотта.

Команда отдается вполголоса. Люди выстраиваются, и ползетъ длинной змѣею, рота за ротой, полкъ по извилинамъ траншей.

Значитъ, наступленіе. Безшумное, тихое; не звякнетъ винтовка, чуть слышенъ мѣрный по привычкѣ шагъ, да краснѣетъ огонекъ си-

гары полуротнаго, который, выйдя на открытое мѣсто, тушитъ ее и прячетъ въ коробку.

Во оно, вотъ настоящее. Че-

резь нѣсколько часовъ будетъ бой, опять загремятъ пушки, застрочатъ пулеметы, отъ которыхъ мы успѣли отвыкнуть за мѣсяць мирнаго сидѣнія въ нашемъ земляномъ городѣ.

Полки разбиваются на отряды, и каждый отрядъ отходитъ въ другую сторону, и чѣмъ ближе къ мѣсту предстоящаго боя, тѣмъ меньше людей связаны общностью, матеріальной близостью: разсыпаются во всѣ стороны небольшіе отряды по сто-полтораста человѣкъ, и каждый идетъ къ невидимой, но общей для всѣхъ цѣли, туда, гдѣ мелькаютъ таинственные красные огоньки сигналовъ.

Въ нашемъ отрядѣ всего пять-десять человѣкъ съ поручикомъ В., еще юношей. И поручикъ, и мы сначала идемъ по топкому болоту, потомъ полземъ.

Залегли въ оврагъ, почти на виду у непріятеля. Сттуда, изъ-за насыпи, находящейся въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ насъ, слышенъ гулъ голосовъ, видно, какъ вспыхиваютъ полосы перемѣннаго свѣта, а потомъ, совсѣмъ близко, такъ, что, протянувъ винтовку, можно достать ихъ, проходить мимо насъ сторожевой австрійскій отрядъ. И, пройдя мимо и обрызгавъ насъ грязью, но не замѣтивъ насъ, притаившихся на днѣ оврага, уходитъ за насыпь.

Ударъ пушки. Еще одинъ. И сразу заговорили непріятельскія батареи. Бьютъ по нашимъ оставленнымъ траншеямъ, подготавливая атаку. Ядра проносятся надъ нашей головою: яркіе комья огня.

— Раздери его душу!—ругается, Логовъ вполголоса: — Разнесутъ нашу работу. Онъ чувствуетъ потребность «отматюгаться».

— Оно, быдто, легче, когда выругаешься.

Хотя ни одинъ снарядъ не можетъ попасть въ насъ, потому что они бьютъ по нашимъ траншеямъ, но страшно лежать подъ пролетающимъ съ визгомъ, стономъ и грохотомъ стальнымъ дождемъ. И оттого, что страшно, Логовъ, хотя бы шопотомъ (громко нельзя) «матюгается», Фридляндъ бурчитъ что-то въ носъ, другіе, стиснувъ винтовки, глядятъ, не отрываясь, на небо, гдѣ перекрещиваются ярко-красныя полосы огня.

Вдали вспыхнулъ, наконецъ, сигнальный огонь. Теперь можно.

— Вставай, ребята! Разсыпся! Спотыкаясь, бѣгутъ люди, бѣ-

гутъ молча, все ближе и ближе къ непріятельской насыпи.

— Р-р-рахъ!—раздается оттуда залпъ.

Пули свистятъ надъ головою. Въ темнотѣ не видно, задѣли ли онѣ кого-нибудь изъ нашего отряда, но видно, что насъ становится вдругъ больше вдвое, втрое. Изъ каждой ложбины, изъ-за каждаго кустика вдругъ появляются темныя молчаливыя фигуры и, пригнувшись, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто. И только у самой непріятельской насыпи, тамъ, гдѣ ружейная пуля теряетъ свою мѣткость и летитъ черезъ голозу, вдругъ изъ отдѣльныхъ людей вырастаетъ строй, и такъ же молча, какъ раньше, бросается къ траншеѣ непріятеля и, ворвавшись туда, не кричитъ, а гремитъ, сотрясая дали, что-то хаотически гулкое, похожее на крикъ остервенѣнія:

— А-а-а!

— О-о-о!

— Бей, бей, бей!

Логовъ дерется рядомъ, и это онъ, кажется, выкрикиваетъ это изступленное «бей-бей», работая

прикладомъ, какъ цѣпомъ. Или, можетъ быть, это Осадчукъ, у котораго мундиръ изодранъ въ клочья, а лобъ разсѣченъ, оретъ, пронзая венгерца, во все горло.

И вдругъ крикъ и лязгъ, стоны и ревъ сразу обрываются и становится совсѣмъ тихо; слышно только, какъ тяжело дышатъ усталые люди, и вдали, постепенно замирая, гремятъ выстрѣлы. Впереди—пустота, некого бить, потому что тѣ, кого били, лежатъ или ушли.

— Шабашъ?—словно не довѣряя себѣ, спрашиваетъ Логовъ.

— А, ну да,—отвѣчаетъ ему кто-то изъ темноты.

— Уцѣлѣлъ, братъ!—радостно говоритъ еще кто-то.—Вотъ только рожу поцарапали маленько.

— Шабашъ?—опять спрашиваетъ Логовъ.

И понявъ, что дѣйствительно «шабашъ», снимаетъ фуражку, глубоко вздыхаетъ и широко крестится...

Я. Окуневъ.

АНГЛІЙСКІЙ ОРДЕНЪ ВИКТОРИИ.

Всякая медаль изготовляется въ массѣ при помощи стального чекана; по готовому образцу, однимъ ударомъ пресса сразу получаютъ готовую медаль или монету. Для почетнаго англійскаго ордена Викторіи не существуетъ чекана, и каждая медаль изготовляется отдѣльно.

Изготавливаются онѣ, главнымъ образомъ, изъ бронзы русскихъ ружей, захваченныхъ въ крымскую кампанію. Бронза эта отличается чрезвычайно высокими качествами и потому выдается рабочимъ съ большой осторожностью; она цѣнится, въ буквальномъ смыслѣ слова, на вѣсъ золота.

Первая модель этого ордена была изготовлена изъ твердаго воска, а затѣмъ, по утверженіи ея, изъ металла. Эта модель сохраняется съ чрезвычайной тщательностью. Съ нея снятъ штампъ, по которому изготавливаются въ настоящее время всѣ такіе ордена.

Штампъ, какъ и обычно, состоитъ изъ двухъ частей, поверхность которыхъ покрыта графитомъ.

Бронза нагрѣвается въ глиняномъ тиглѣ до температуры около 2,000° и по расплавленіи выливается

въ форму, при чемъ каждая капля расплавленнаго металла тщательно собирается. Изъ формы орденъ выходитъ съ грубыми краями, плоскимъ, грубымъ рисункомъ, цѣлѣмъ грязной старой монеты. Въ такомъ видѣ орденъ переходитъ въ руки ловкихъ мастеровъ, которые подливаютъ края, отчеканиваютъ маленькими рѣзцами и молоточками рисунокъ.

Готовый орденъ поступаетъ въ военное министерство, гдѣ къ нему привязывается лента, красная для арміи и голубая для флота.

ВЕСЕЛАЯ ПАНОРАМА ВОЙНЫ.

ЗАЩИТА ГЕРМАНСКИХ
ОКОПОВ.
(Немцы привезли
взятых колющих
оружий.)

Кривые и горбатые
в германской армии
Гайзерь-Францу: - Тебя
старина, я назначаю
шефом этого добле-
ного полка.

В австрийских
траншеях слыш
на музыка! (из газет)

Победа!!!
Взято
много
пушек
и
военных
припасов!

Турецкая власть старается
успокоить Константинополь

Новое применение по-
чтовых голубей в
германской
армии.

Зинько

ЧТО Я ВИДѢЛА ВЪ СЕРБІИ.

Сербскія впечатлѣнія. — Эрнестина Эванс.
(Собственнаго корреспондента газеты „Нью-Йоркъ Трибунъ“).

Что, собственно, поражаетъ въ Сербіи, — это то, что весь народъ этой удивительной страны живетъ одной мыслью, одержимъ однимъ стремленіемъ, и это дѣлаетъ его такимъ несокрушимо — сильнымъ. Мнѣ казалось даже, что старыя клячи, тащившія мой экипажъ, въ то утро, когда я выѣзжала изъ Ниша, подергивали на ходу головой какъ-то особенно, точно хотѣли сказать: «Что-жъ! Мы стары, это не наша вина, иначе и мы были бы тамъ».

Мы ѣхали по немощенной дорогѣ, по обѣ стороны которой тянулся рядъ неопрятныхъ кофеенъ, въ которыхъ, по случаю ранняго времени, спали, прямо на полу, бѣженцы изъ различныхъ мѣстностей государства.

Около станціи, прямо на землѣ, расположились живописными группами мужчины и женщины, и тоже крѣпко спали. Это были солдаты, отпущенные на побывку домой и теперь возвращающіеся обратно въ строй, и ихъ жены, пришедшія проводить мужей на поѣздъ. На вокзалѣ толпились сотни бѣженцевъ, представившихъ къ служащимъ на всевозможныхъ нарѣчьяхъ за свѣдѣніями о томъ, куда имъ направиться. Это были люди, бѣжавшіе не только отъ внѣшняго врага, но и отъ врага внутренняго — тифа. Цѣлыя мѣстности были охвачены эпидеміей. Незадолго передъ тѣмъ, мнѣ пришлось быть въ одномъ небольшомъ городкѣ Сербской Македоніи. Я никогда не забуду день, проведенный мною въ мѣстномъ американскомъ госпиталѣ. Онъ былъ устроенъ въ бывшемъ табачномъ складѣ, теперь заброшенномъ. О гигиенѣ и мечтать было нечего. Въ лазаретѣ, рассчитанномъ на нѣсколько десятковъ раненыхъ, лежало около сотни людей, за недостаткомъ помѣщенія прямо на полу, порой даже безъ соломеннаго тюфяка; все это была самая ужасная бѣдность, грязная и оборванная, и у госпиталя едва хватало времени и средствъ ухаживать за всѣми, нечего было и думать одѣвать ихъ.

«Намъ легче было бы справиться даже съ самыми ужасными, запущенными, червивыми ранами», говорила мнѣ сестра милосердія. «Это все тифозные. Уже четверо изъ нашихъ заразились». Это была молодая се-

стра, съ лицомъ подвижницы. Позднѣе я узнала, что она тоже заболѣла тифомъ, но ее вывели, а завѣдующій госпиталемъ, докторъ Донель, скончался. Отовсюду шли вѣсти о заболѣваніяхъ, летѣли просьбы прислать врачей, сестеръ, медикаментовъ. Смерть косила людей, и тщетно жертвовали собой сестры, врачи, фельдшера...

Бомбардировка уничтожила лучшія строенія Бѣлграда, школы не функционировали за недостаткомъ учителей, молодежь была оторвана отъ занятій, погибли многіе лучшіе люди и самыя богатая провинція были разорены.

И все-таки народъ не падалъ духомъ!

Въ одной гостиницѣ хозяйка весело предупреждаетъ посѣтителей: «У насъ нѣтъ ни хлѣба, ни картофеля. Но есть зато шампанское, абрикосы и баранина».

Въ Бѣлградѣ я ѣхала съ военнымъ поѣздомъ, въ которомъ перевозили на фронтъ сербскую пѣхоту. Ночью до меня доносились шумъ и суетня, сопровождающіе посадку войскъ, раздавались бодрые, громкіе голоса, выкрикивавшіе слова прощанья и послѣднія наставленія женамъ. На остановкахъ воздухъ прорѣзали заунывные звуки сербской пѣсни, не соответствовавшіе общему приподнятому настроенію.

Въ Бѣлградѣ все спокойно. Семьдесятъ тысячъ бѣжало изъ него, но двадцать тыс. еще осталось. Внизу, на берегу Савы вьется дымокъ изъ полуразрушеннаго зданія табачной фабрики, приносившей раньше существенный доходъ правительству. Тамъ живетъ старикъ сторожъ съ женой, который сторожитъ и теперь эти развалины, отъ времени до времени показывая ихъ посѣтителямъ. Онъ показалъ намъ прессъ, теперь разбитый, который всего за недѣлю до войны былъ выписанъ изъ Англій.

По ту сторону рѣки лежитъ уже австрійскій городъ Землинъ. Онъ такъ близко, что видно людей на берегу, и не такъ давно, когда тутъ былъ еще мостъ, туда ходили пѣшкомъ въ гости къ знакомымъ.

Насъ было нѣсколько человекъ, осматривавшихъ городъ, въ сопровожденіи сербскаго капитана. Мы

находились въ развалинахъ зданія Прессъ-Бюро, и я смотрѣлъ сквозь брешь на австрійскія пушки въ Землинѣ, какъ вдругъ что-то завизжало надъ головой, птицы въ страхѣ разлетѣлись съ сосѣдняго дерева, затѣмъ — трескъ и что-то взметнулось въ воздухъ вмѣстѣ съ дымомъ и градомъ камней.

«Начинается», сказалъ капитанъ. Бомбардировка возобновлялась. Мы спустились внизъ. Выстрѣлы продолжались, и была какая-то своеобразная красота въ ихъ звукахъ, пронзавшихъ тишину. Мы спустились въ погребъ. Сербскія пушки теперь отвѣчали австрійскимъ. Просидѣвъ въ погребѣ съ полчаса, мы вышли въ садъ. Насъ было четверо и, можетъ быть, поэтому намъ не было страшно, хотя смѣяться было легче, чѣмъ говорить. Забытый извозчикъ пришелъ намъ сообщить, что онъ еще не убитъ, хотя посрединѣ улицы и упалъ снарядъ. Скоро и въ садъ полетѣли камни. На улицѣ стали появляться носилки. На однѣхъ капитанъ увидѣлъ своего знакомаго, убитаго наповалъ. Было уже поздно, и мы вернулись въ гостиницу. Кругомъ нея толпилось множество людей, а у противоположнаго дома стоялъ часовой. Оказалось, что снарядъ упалъ на улицѣ, вырылъ яму въ 50 футовъ, а осколками перебило всѣ окна въ сосѣднихъ домахъ, и убило женщину съ двумя дѣтьми. Домъ грозилъ паденіемъ.

Въ этотъ день долженъ былъ быть банкетъ, устраиваемый комендантомъ для представителей печати.

«Банкета не будетъ», думала я, «до того ли теперь?» Но я ошиблась, такъ какъ банкетъ, все-таки, состоялся, хотя многія мѣста и пустовали. Самъ комендантъ уѣхалъ въ Нишъ, куда его вызвали къ заболѣвшей тифомъ женѣ. Полиціймейстеръ былъ занятъ размѣщеніемъ раненыхъ. Изъ остальныхъ, многіе не пришли, потому что посланный съ приглашеніями былъ убитъ по дорогѣ.

И на этомъ банкетѣ, единственномъ въ своемъ родѣ, я еще яснѣе ощутила тотъ несокрушимый духъ нравственной силы, который одушевляетъ всѣхъ сыновъ этой маленькой, героической страны, духъ, живущій не только въ людяхъ, но, казалось, и въ самыхъ развалинахъ, въ самомъ воздухѣ, полномъ дыма отъ непріятельскихъ снарядовъ.

Странные библиофилы.

Стокгольмскія газеты разсказываютъ, что по Швеціи въ настоящее время разъѣзжаютъ странные библиофилы, скупающіе старыя книги, но исключительно въ кожаныхъ переплетахъ. Эти своеобразные коллекціонеры не такъ гонятся за древностью книги, сколько за солидностью кожи на корешкахъ и обложкахъ переплета. Такъ какъ, чѣмъ книга старше, тѣмъ кожа ея переплета добротнѣе, то «библиофилы» и просятъ книгу «постарше». Сплошь и рядомъ, эти оригиналы-коллекціонеры даже не разворачиваютъ, при покупкѣ, книги, но зато тщательно ощупываютъ достоинство ея переплета. Не брезгаютъ они и магистратскими архивами, скупаютъ у пасторовъ вышедшія изъ употребленія библии, псалтыри и другія лютеранскія духовныя книги, обычно, въ старину, переплетавшіяся въ кожу.

Всѣ эти старинныя изданія транспортируются въ Германію, гдѣ поступаютъ въ распоряженіе... полковныхъ сапожниковъ.

«Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, — остритъ стокгольмская газета, — если германскіе солдаты щеголяютъ въ библейскихъ сандаляхъ».

КАКЪ ФЕДЕРАЛЬНІЕ ПЕРШАВЦЫ ВЫКЛЮЧАЮТЪ ВОЙНЕНТЫ.

Борясь съ охватившимъ Германію монетнымъ голодомъ, нѣмцы, по словамъ стокгольмскихъ газетъ, кромѣ явныхъ мѣръ къ стяжанію въ казну металлическихъ денегъ путемъ выпуска бумажныхъ бонъ, предприняли еще рядъ конфиденціальныхъ шаговъ для этой же цѣли. Прежде всего негласными циркулярами правительство вмѣнило въ обязанность на всѣхъ желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ, трамвайныхъ линіяхъ, метрополитэнахъ, подземныхъ ж. д. служащимъ, выдающимъ билеты, мѣнять деньги пассажировъ только на бумажныя бонны, а выручки металлическими монетами славать въ казначейство. Даже кассамъ увеселительныхъ заведеній преподанъ этотъ циркуляръ. Для побужденія кассировъ всевозможныхъ учрежденій къ собиранію металлическихъ денегъ, рейхсбанкъ выдаетъ даже премію въ 3 марки на каждую тысячу металлическихъ марокъ. Циркуляръ не забылъ даже кирки, гдѣ скопляется металлическая монета.

Альпійскіе проводники хоронятъ погибшихъ на вершинахъ австрійскихъ горныхъ стрѣлковъ.

СУВОРОВЪ СРЕДИ ПОДЧИНЕННЫХЪ И СОЛДАТЪ.

Рѣдкій полководецъ умѣлъ стяжать такую беззапятную любовь своихъ подчиненныхъ и непоколебимую вѣру въ себя, въ свой гений, какъ Суворовъ. Тѣ же самые люди, которые отступали съ Гудовичемъ или инымъ начальникомъ, предводительствуя имъ дѣлали чудеса, преодолевали всѣ препятствія и достигали намѣченной цѣли. Причина такой власти надъ умомъ и сердцемъ солдатъ и офицеровъ, заключалась въ томъ, что самъ Суворовъ былъ истинно

русскій человекъ, разумѣвшій простое солдатское сердце; онъ былъ полководецъ, дѣйствительно, любившій и жалѣвшій своихъ чудо-богатырей, не устававшій лично блести ихъ интересы, всю свою жизнь о нихъ заботившійся. Тяжелыя подчасъ требованія свои онъ дѣлалъ понятными солдату. Съ солдатомъ онъ переносилъ всю тяжесть, всѣ невзгоды боевой жизни; спать и ѣсть вмѣстѣ съ нимъ и нерѣдко изъ одного котла; терпѣлъ голодь и холодъ;

Спасение пассажиров съ англійскаго парохода, подорваннаго германской подводной лодкой.

спалъ подъ дождемъ и сушилъ у котла старья, намокшія одежды. Онъ былъ живымъ примѣромъ для солдатъ и какъ же имъ было не боготворить своего побѣдоноснаго вождя! Они боготворили его и шли за нимъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ.

Въ своихъ ежедневныхъ бесѣдахъ съ солдатами Суворовъ говорилъ понятнымъ для нихъ языкомъ, сыпалъ остротами и каламбурами, приучалъ ихъ къ быстрымъ и находчивымъ отвѣтамъ, преслѣдуя за «немогузнайство».

Приведенные ниже случаи ясно характеризуютъ взаимныя отношенія полководца съ его подчиненными.

Суворовъ непрестанно заботился о своихъ солдатахъ, видя въ заботливости о нихъ начальства залогъ будущихъ подвиговъ. Вотъ выдержка изъ его замѣчательнаго приказа — «О наблюденіи здоровья».

1) «П и т ь е» — квасъ; для него двойная посуда, чтобъ не было молодого и перекислаго. Если-жъ вода, то здоровая и нѣсколько приправленная.

2) «П и щ а»: котлы — вылуженные; припасы — здоровые; хлѣбъ — выпеченный; пища доварная, не пераварная, не отстоянная, не подогрѣтая, горячая, а для того, кто къ кашѣ не послѣлъ, лишенъ ее — на тотъ разъ воздухъ!...

Въ теплое время отдыхать подъ тѣнью безъ облѣненія. Ночью — въ палаткахъ укрываться; въ холодную погоду отнюдь бы въ нихъ сквозной вѣтеръ не былъ. Черезъ ротныхъ

фельдшеровъ — довольный запасъ въ артеляхъ ботаническихъ средствъ.

Отъ инженеровъ — уроки умѣренныя. Настрожайше воспрещается во время малѣйшаго жара отнюдь никого, ни въ какую работу не употреблять, подъ неупустительнымъ взысканіемъ. А для успѣха, если необходимо, лучше начинать работу прежде разсвѣта, и вечерній урокъ кончить хотя къ ночи. Не мѣшаетъ прибавить хотя нѣчто ночи, особливо свѣтлой, но только ужъ въ большой нуждѣ. Какъ скоро работа окончена, то на завтракъ нужно тотчасъ къ горячимъ кашамъ.

Лагерныхъ мѣстъ имѣть до трехъ въ близости и понедѣльно ихъ перемѣнять; содержать чистоту внутри и около нихъ».

Въ заботахъ о солдатахъ, Суворовъ часто осматривалъ военные госпитали и бесѣдовалъ съ больными и ранеными. Этимъ онъ внушалъ къ себѣ неограниченную любовь и

Въ глуши Индостана. Кавалеристъ на быкѣ.

довѣріе. Солдаты вообще обожали его и не было такого подвига, на который не ринулись бы они по первому зову героя.

Въ награду за безпримѣрный Измаильскій штурмъ Суворовъ получилъ сперва только чинъ подполковника гвардіи и право по своему усмотрѣнію наградить крестомъ св. Георгія 3-й степени одного изъ своихъ сподвижниковъ. Суворовъ былъ обиженъ, тѣмъ болѣе, что прочіе участники знаменитаго штурма были какъ бы забыты государыней, оставлены безъ всякихъ наградъ. Сзвали военный совѣтъ рѣшить, кого украсить присланнымъ крестомъ. Было рѣшено просить принять орденъ самого Суворова.

— Помилуй Богъ, — отвѣчалъ Суворовъ, — гдѣ же намъ заслуживать этого? А вотъ, господа генералы и офицеры, я имѣю человека, такъ это дѣйствительно герой: *этотъ человекъ храбро написалъ мнѣ бумагу: идти на штурмъ! А я то что? Я только подписалъ!*

Съ этими словами онъ надѣлъ крестъ на своего письмоводителя Ивана Онуфріевича Куриса.

Государыня, узнавъ о выходкѣ героя, много смѣялась и щедро наградила какъ самого побѣдителя, такъ и его доблестныя войска.

Суворовъ требовалъ точнаго и строгаго соблюденія дисциплины, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самъ лично мягокъ и добръ, иногда до слабости. Если ему представляли, чтобы онъ наказалъ виновнаго, Суворовъ отвѣчалъ:

— Я — не палачъ.

Суворовъ гордился именемъ русскаго. Это видно изъ того, что каждый разъ, когда кто-либо погрѣшалъ противъ должности, былъ ли то простой рядовой, офицеръ или генералъ, — онъ одинаково укорялъ ихъ:

— «Ты не русскій; это не по-русски». Если же передъ нимъ оправдывались, то онъ прибавлялъ:

— «Покажи на дѣлѣ, что ты — русскій».

Однажды, при разводѣ, будучи недоволенъ своимъ Фанагорійскимъ полкомъ, Суворовъ подозвалъ къ себѣ адъютанта и сказалъ ему:

— Поди, скажи Мандрыкину (полковой писарь), чтобы онъ написалъ прошеніе и подалъ Курису (письмоводитель Суворова): пусть переведетъ меня въ другой полкъ. Не

хочу съ ними служить — они немогузнайки.

Полкъ былъ крайне огорченъ. Всѣ чины тянулись изо всѣхъ силъ, стараясь загладить свою провинность и, дѣйствительно, на слѣдующемъ разводѣ полкъ былъ по прежнему исправнымъ. Суворовъ остался доволенъ, благодарилъ всѣхъ отъ полковника до рядового и въ заключеніе произнесъ:

— Я вамъ другъ; вы — мои друзья!..

Затѣмъ, приказавъ адъютанту сказать Курису, чтобы онъ оставилъ его въ томъ же полку, Суворовъ замѣтилъ:

одного прусскаго генерала, какъ разъ во время развода Фанагорійскаго полка. Къ нему подошелъ гренадеръ съ рапортомъ о смѣнѣ. Суворовъ, увидя его, отскочилъ въ сторону, говоря:

— Боюсь!.. Боюсь!.. Онъ страшень!..

Послѣ этого онъ спросилъ у гренадера:

— Можешь ли ты на свой штыкъ взять полдюжины нѣмцевъ?

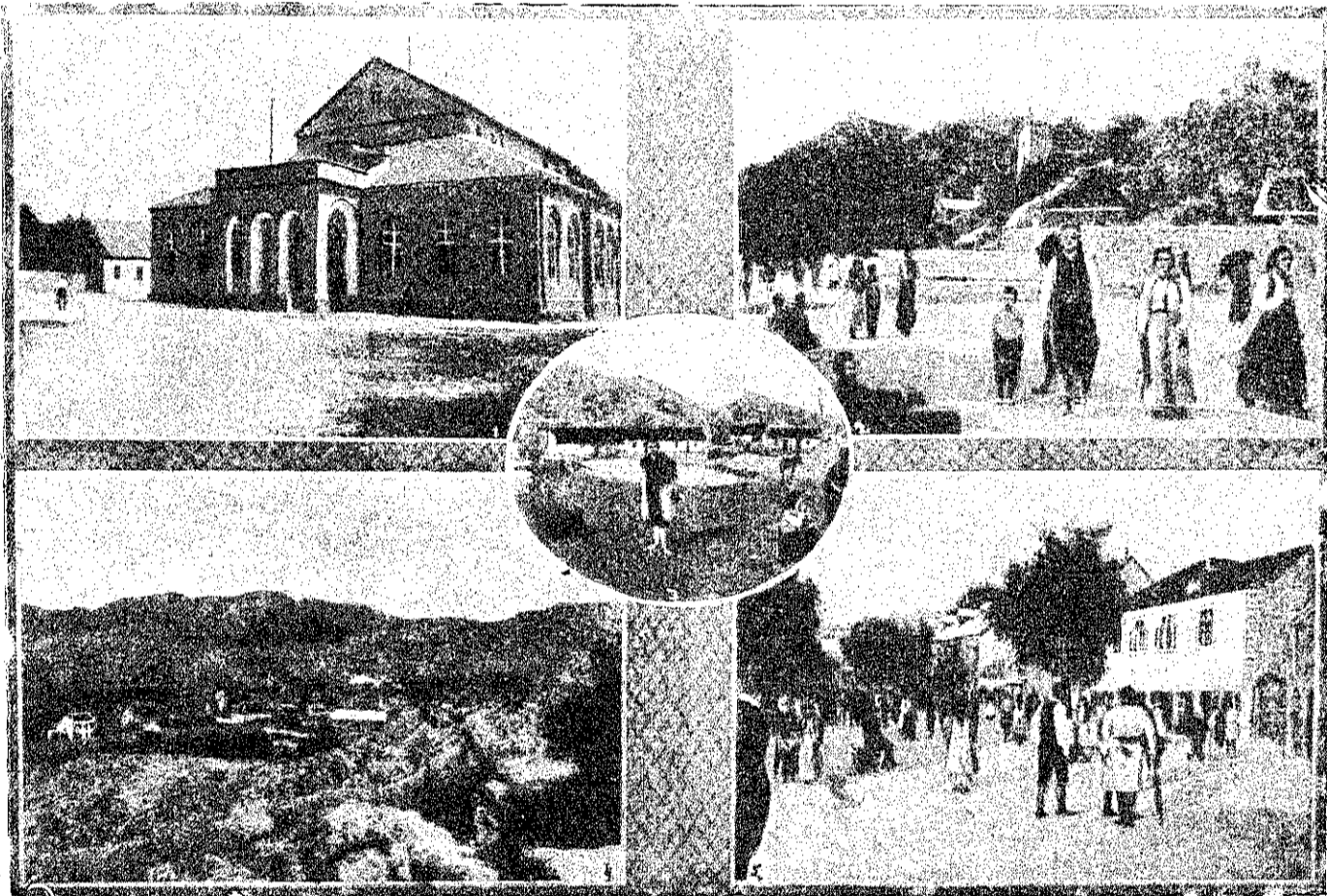
— Этого мало будетъ, ваше сіятельство: я справлюсь и съ дюжиною! — отвѣтилъ тотъ.

Суворовъ расхвалилъ благаго солдата, приказавъ адъютанту на-

плений, но былъ замѣченъ часовымъ. Суворовъ предлагалъ ему денегъ, лишь бы тотъ подпустилъ его поближе, но солдатъ въ отвѣтъ прицѣлился въ него изъ ружья. Суворовъ отошелъ и, спустя немного, вернулся въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, при орденахъ. Часовой отдалъ честь, но заявилъ, что безъ приказа командира въ укрѣпленіе не пропуститъ.

— Кто комендантъ здѣшней крѣпости? — спросилъ Суворовъ.

— Здѣсь не крѣпость, ваше превосходительство, а потому и нѣтъ коменданта! — отвѣчала часовая. — А командиръ у насъ — поручикъ Н.

Цетинье — столица Черногоріи. Види города.

— Они добрые солдаты; они исправились. Они русскіе.

На всѣхъ лицахъ, при этихъ словахъ, сіяла радость.

Вспоминая свою прежнюю службу, Суворовъ сказалъ однажды солдатамъ:

— Вы помните, чудо-богатыри, какъ я въ семилѣтнюю войну съ однимъ эскадромъ гналъ цѣлый полкъ?

Сказалъ онъ это въ присутствіи

градить его и, обратясь къ иностранному генералу, замѣтилъ:

— У меня все — богатыри: колотъ по дюжинѣ. Этотъ гренадеръ сказалъ, что ему полдюжины мало.

Ожидая въ Крыму турецкаго десанта, Суворовъ часто производилъ неожиданныя повѣрки бдительности охраны батарей и укрѣпленій. Однажды, передѣвшись, онъ хотѣлъ проникнуть тайно въ одно изъ укрѣ-

— Позови его.

— Я не смѣю сойти съ мѣста.

— Позови!.. Я тебѣ приказываю!

— Покуда меня не смѣнятъ, я отсюда не сойду.

Затѣмъ солдатъ крикнулъ караульнаго унтеръ-офицера, и тотъ сходилъ за командиромъ. Суворовъ былъ очень доволенъ, расхвалилъ за службу солдатъ и очень благодарилъ офицеровъ за то, что они довели своихъ подчиненныхъ до такой исправности.

Занимаясь устройством и сооружением крепостей, Суворовъ поручилъ одному полковнику надзоръ за работами нѣкоторыхъ укрѣпленій. Послѣдній сдалъ это порученіе своему помощнику. Пріѣхавъ осматривать работы, Суворовъ нашелъ неисправности и сдѣлалъ полковнику выговоръ. Тотъ, чтобы оправдаться, обвинялъ своего помощника.

— Ни онъ и ни вы не виноваты, — сказалъ Суворовъ и, потребовавъ пруть, принялся сѣчь свои сапоги.

— Не лѣнитесь, не лѣнитесь! — восклицалъ онъ во время экзекуціи, — вы во всемъ виноваты. Если бы вы сами ходили по работамъ, то этого бы не случилось.

Кайзеръ Вильгельмъ и музыка.

Когда началась война, кайзеръ заказалъ композитору Рихарду Штраусу маршь, который долженъ былъ изображать побѣдное шествіе германцевъ. Начало должно было быть написано въ мрачныхъ, похоронныхъ тонахъ, конецъ же — разливаться побѣдными звуками. Надо полагать, что Вильгельмъ былъ высококачественнаго мнѣнія о гибкости таланта композитора, такъ какъ тому не разъ, вѣрно, пришлось мѣнять побѣдные звуки на похоронные, и... кто знаетъ, въ концѣ-концовъ, не вышелъ бы и весь маршь похороннымъ!

Кстати, интересно вспомнить, что Штраусъ прежде никогда не пользовался расположеніемъ императора. Онъ никогда не обнаруживалъ никакого интереса къ его произведеніямъ, и никогда не удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ ни одной изъ его музыкальныхъ драмъ, даже когда композиторъ былъ директоромъ Императорской оперы, такъ же, какъ и не посѣщалъ симфоническихъ концертовъ Императорскаго оркестра, когда имъ дирижировалъ Штаусъ. Правда, «всемогущій кайзеръ» не скрывалъ своей антипатіи къ современной музыкѣ и ея новшествамъ, и, понятно, что Штраусъ, достигшій въ своихъ произведеніяхъ высшей точки модернизма, могъ быть ему противенъ. Возможно, что позднѣе, ознакомившись съ однимъ-двумя произведеніями композитора, кайзеръ обнаружилъ въ нихъ воинственный характеръ, свойственный опредѣленному и типичному германскому милитаризму. Самъ Вильгельмъ серьезно считаетъ себя знатокомъ музыки, и претендуетъ даже на званіе композитора. Объ этомъ кричали нѣмецкія газеты, и даже заграничная печать объ этомъ упоминала. Особенно много шума было изъ-за его «Гимна къ Эгиру». Но никто не

знаетъ происхожденія этого «геніальнаго» произведенія. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ принцесса Шарлотта Саксенъ-Мейнингенская, сестра императора.

«Однажды мой братъ сидѣлъ у рояля и подбиралъ однимъ пальцемъ различныя народныя пѣсенки. Затѣмъ онъ сталъ подбирать къ нимъ аккомпаниментъ и вариации, но это ему плохо удавалось. Тогда адью-

Новый типъ германскаго развѣдочнаго аэроплана.

тантъ его, фонъ-Плюэковъ, подойдя къ нему, сталъ подыгрывать, и у нихъ вышло довольно хорошо. Когда они кончили, то стали говорить, что музыка эта очень подходитъ къ поэмѣ «Гимнъ Эгиру», написанной графомъ Эйленбургомъ. Рѣшено было послать за графомъ и, когда онъ явился, то они втроемъ стали обсуждать эту мысль, и Плюэкову было поручено переложить музыку на бумагу, вмѣстѣ со словами, такъ какъ онъ былъ самый музыкальный изъ всѣхъ троихъ. Потомъ эту вещь играли въ Большомъ театрѣ»...

Императоръ не удовольствовался однимъ этимъ произведеніемъ. Онъ написалъ нѣсколько пѣсенъ для

мужского голоса и разослалъ ихъ по полкамъ съ приказомъ разучить ихъ.

Рѣчи Фердинанда.

Вотъ выдержки изъ рѣчей Флюгера-Кобургскаго:

Французскому журналисту:

— Не забывайте: въ моихъ жилахъ течетъ французская кровь.

Мадьяру-дипломату:

— Вѣдь, я самъ всѣми своими нервами и лучшими воспоминаніями молодости перевитъ съ вашей прекрасной страной!

Австрійскому генералу:

— Ваше превосходительство, я до сихъ поръ только вашъ лейтенантъ на болгарскомъ престолѣ.

Францу-Юсифу — подпись на поздравительной телеграммѣ по поводу захвата Босніи и Герцеговины:

— Вашъ вѣрнопреданнѣйшій Фердинандъ.

Турецкому султану, за пять лѣтъ до балканской войны:

— Помните, что мой народъ благороднаго тюркскаго происхожденія. Историческія недоразумѣнія насъ разъединили, но вѣчная правда вновь соединитъ два рукава одной великой рѣчки.

Всемирному Каину — Вильгельму, когда тотъ посѣтилъ Константинополь:

— Благоговѣю передъ великодушіемъ и мудростью вашего величества. Вѣдь, и въ моихъ жилахъ течетъ добрая нѣмецкая кровь!

Американскому путешественнику:

— Въ Европѣ только одна страна напоминаетъ точно переброшенный черезъ океанъ штатъ вашей великой республики. Это — Болгарія! Она также быстро идетъ по пути къ просвѣщенію и богатству. На Балканахъ она — стражъ справедливости и свободы!

Россіи —

— «Болгарія никогда не забудетъ, что она — младшая дочь великой Россіи». «Въ Болгаріи нѣтъ ляди земли, не облитой русской кровью». «Только безумцу или негодяю можетъ присниться Болгарія на сторонѣ враговъ Россіи». «Болгарія, это — авангардъ могущественной славянской державы». «Мы все получили изъ рукъ Россіи, — и жизнь, и независимость, и силу».

Какъ надуваютъ „бошей“.

Наши союзники французы, какъ и русскіе солдаты, отличаются способностью не унывать и шутить при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, хотя бы и подъ пулями. Одно изъ любимыхъ развлеченій французскаго солдата на позиціяхъ — мистифицировать нѣмцевъ. Недавно разыгрался слѣдующій любопытный анекдотъ:

Нѣмецкія траншеи помѣшались совсемъ близко къ французскимъ: на разстояніи метровъ пятидесяти, не боѣ. Однажды вечеромъ французскіе солдаты кричатъ нѣмцамъ:

— Эй вы, боши, что же это вашъ императоръ не навѣщаетъ васъ? Вотъ, лѣнтятъ! Не то, что нашъ президентъ. Онъ завтра будетъ у насъ: пожалуйста вы ужъ сидите смиренно, не стрѣляйте пока онъ будетъ у насъ въ гостяхъ.

Дѣйствительно, на другое утро изъ нѣмецкихъ траншей замѣтили великолѣпный блестящій цилиндръ, раскланивающийся направо и налево, и услышали крики: «Да здравствуетъ Пуанкаре!»

Понятное дѣло, они начали стрѣлять. Но цилиндръ продолжалъ кланяться, какъ ни въ чемъ не бывало. И, наконецъ, исчезъ, провожаемый дружнымъ взрывомъ смѣха.

Оказывается, французы нашли въ сосѣдней деревушкѣ алюминиевую кастрюлю, надѣли ее на палку и стали носить вдоль траншей—издали ее можно было принять за цилиндръ. А нѣмцы и дались въ обманъ.

Не менѣе любятъ мистификаціи и шуточки бельгийцы. У нихъ есть для такихъ проказъ даже особый терминъ: «цванца». «Почванцовать» кого-нибудь значитъ — вышутить его, поставить въ дурацкое положеніе. И нерѣдко бельгийцы метятъ остроумной «цванцой» побѣдителямъ-германцамъ. Особенно отличается въ этомъ смыслѣ одинъ брюссельскій кварталъ, «марольскій», гдѣ говорятъ на особомъ нарѣчій, смѣси французскаго и фламандскаго. Тамъ же родилось и словечко «цванца». Когда нѣмцы заняли Брюссель, марольцы рѣшили почванцовать побѣдителей. Выбрали «генерала», и онъ сформировалъ войско по нѣмецкому образцу. По всему кварталу набрали старыхъ котелковъ, продырявили ихъ посредніи г воткнули въ дырки по морковкѣ, хвостомъ кверху; получилась пародія на островенхую прусскую каску. На плечи, вмѣсто ружей, вскинули метлы; ста-

рия печныя трубы, положенныя на тачки и тельжки, фигурировали въ качествѣ орудій. И, въ полномъ сборѣ, артиллерія и пѣхота устроили парадъ на площади передъ Дворцомъ Правосудія.

— Это что такое? Что вы тутъ дѣлаете? — удивленно спросилъ нѣмецкій офицеръ, проходившій мимо.

— А на Парижъ идемъ — такъ вотъ и топчемся на мѣстѣ.

Нѣмецъ не нашелся, что отвѣтить, и не посмѣлъ наказывать «генерала», изъ боязни быть смѣшнымъ.

Однажды, фонъ-дербъ-Гольцъ велѣлъ заклеить бѣлой бумагой одну изъ расклеенныхъ прокламацій брюссельскаго бургомистра, которая не пришлась ему по вкусу; — марольцы ночью пришли съ кистями и маслянками, промаслили бѣлую бумагу — и опять всѣ буквы прокламаціи стали видны.

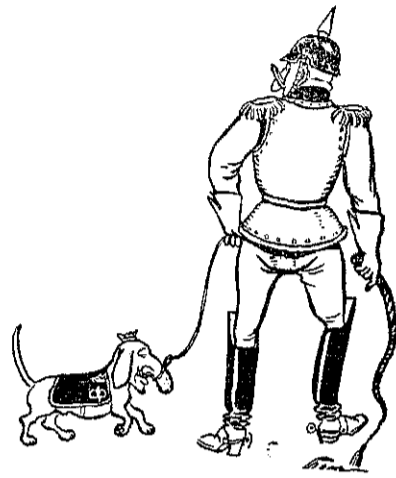
ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

Турецкій кавалеристъ.

Въ другой разъ фонъ-дербъ-Гольцъ велѣлъ устроить пышный парадъ, чтобы поразить брюссельцевъ. Но остроумный бургомистръ, за нѣсколько часовъ до парада, расклеилъ афиши, въ которыхъ населенію, «чтобы не препятствовать эволюціямъ германскихъ войскъ», воспрещалось приближаться къ нимъ ближе, чѣмъ на разстояніе двадцати метровъ. Трогуары въ Брюсселѣ широкіе, но въ 20 метровъ тротуаровъ не бываетъ. Брюссельцы поняли и остались сидѣть дома — парадъ прошелъ безъ публики.

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

Германскій песикъ «Фердиносъ».

А вотъ еще курьезный анекдотъ о путешественникахъ рыбахъ.

Однажды, на площади Палаэрта, брюссельскій городской, большой шутникъ, дежурилъ бокъ-о-бокъ съ солдатымъ солдатомъ - мекленбургцемъ. Брюссельцу вздумалось «почванцовать» боша. И онъ, подъ большимъ секретомъ, сообщилъ ему, что, хотя фонъ-дербъ-Гольцъ и велѣлъ захватить всѣхъ почтовыхъ голубей, чтобы прекратить всякое сообщеніе съ Антверпеномъ, — это было во время осады Антверпена, — но брюссельцы перехитрили его: они привязываютъ депеши въ резиновыхъ мѣшечкахъ къ хвостамъ морскихъ рыбъ изъ акваріума на улицѣ Луизы и пускаютъ ихъ въ Сену. Рыбы сплывутъ вернуться въ море и переплывають мимо Антверпена. А тамъ ихъ ловятъ и снимаютъ депеши.

Нѣмецъ ахнулъ, но повѣрилъ и поспѣшилъ доложить по начальству. На другой же день къ акваріуму приставленъ былъ военный караулъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЫ:

„ЖЕНЩИНА“. „ХОЗЯЙКА“.

„МОДНЫЙ СЕВЪ“.

„ЗОЛОТАЯ РЫБКА“.

„20 И БѢКЪ“, „СТРЕКОЗА“.

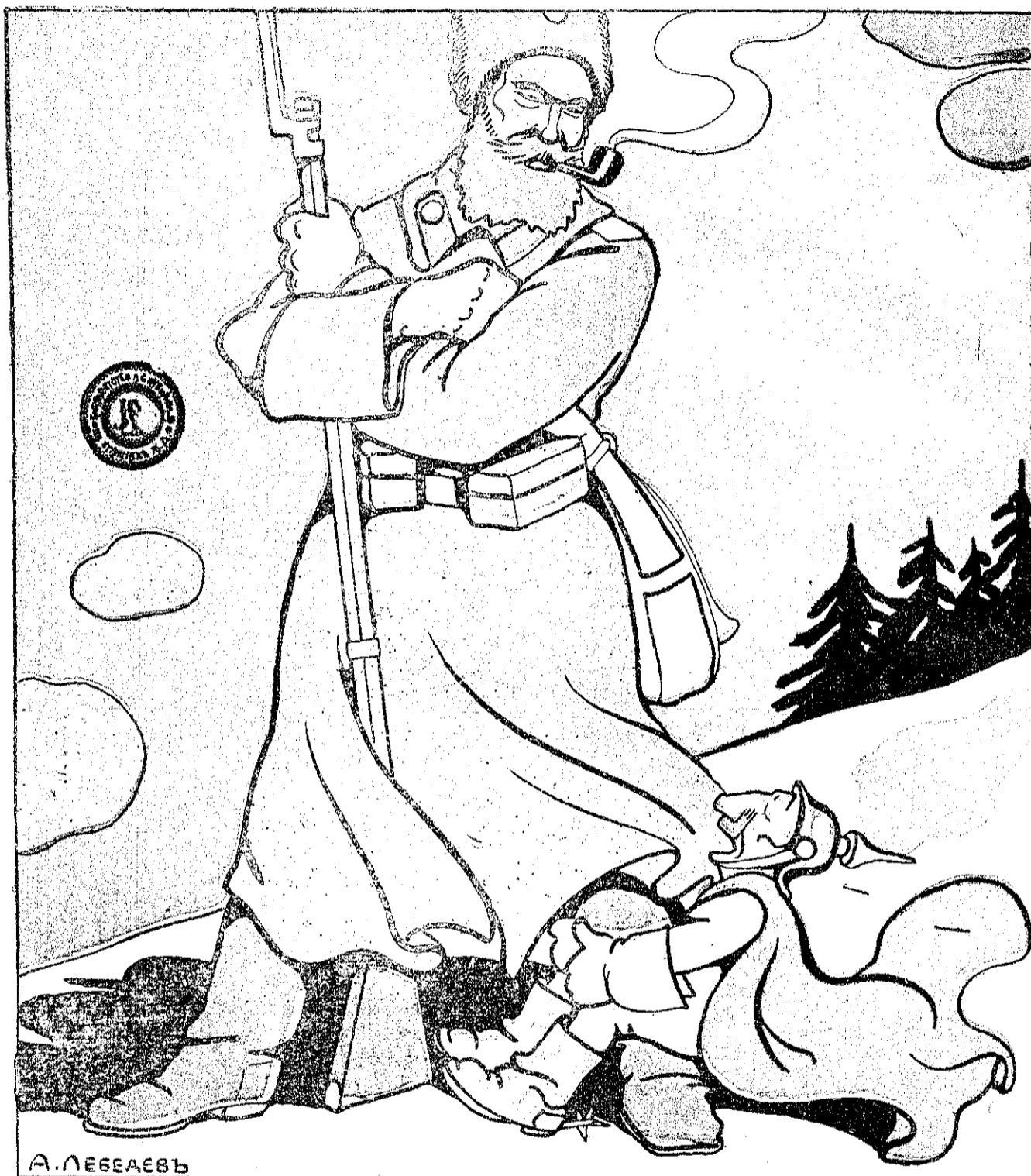
„СѢВЕРНАЯ ЗВѢЗДА“.

„ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ“.

„В О Й Н А“.

ЖУРНАЛЬ-ФАРСЪ.

Полнѣйшій проспектъ высылается бесплатно. Петроградъ, 7я Рожъ. Контора издан. И. А. Богельманъ.

КАЙЗЕРЪ: — Надѣюсь, русскій, ты видишь, что ты въ моихъ рукахъ и что тебѣ пора просить о мирѣ!

 Невскій, 83.
Петроградъ.

„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“

По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

